

Мы все живем в выдуманном мире.
Давайте на одно мгновение станем откровенны. Рай
возведен на песке, а мы только и заботимся о том,
чтобы защитить его от того же песка с помощью на-
бережной, которую сами же построили. Рай у моря,
хранимый от самого моря и его волн, разбивающих-
ся о длинные тянущиеся вдаль пирсы. Мы это сотво-
рили. Мы создали автомобили. Мы построили отели.
Мы придумали деньги.

Мы создали эту машину.

Мы это сделали.

Приняли решение создать и создали. Прави-
ла, законы, общественные движения, социальные
страты — все это сделано руками человека. Все из
нашего воображения. Из наших великих иллюзий.

Все это — лишь фантазия.

Но это все равно может нас уничтожить.

То, что мы создаем.

Может нас убить.

ПРОЛОГ: УОЛЛИ

Поздние ночи были моим любимым временем суток. Мне нравились пустые залы, темнота и отсутствие людей, вечно бегающих, как сумасшедшие.

«Это просто работа, — думал я. — Почему они так переживают из-за работы?»

Мне нравилось, как эхом разносились мои шаги, и еще я любил ставить пластинки или включать радио. Музыка звучала, а сам я вычищал мусорные баки и мыл полы. Иногда я танцевал со шваброй. Конечно, я не был Фредом Астером¹, но ведь и он не был Уолли Фрэнксом.

Нельзя сказать, что работать по ночам было страшно, но если старина Уолли что-то и знал, так это то, что людям нравится иметь секретники, потому что из-за них они чувствовали себя особенными. Сам я этого никогда не понимал. Я был такой, какой есть.

---

¹ Фред Астер — американский актер, танцор, хореограф и певец, звезда Голливуда, один из величайших мастеров музыкального жанра в кино.

Здесь, в «Студии Джоуи Дрю» было полным-полно секретов. Я не дурак. Хотя и детективом тоже не был.

Поэтому я просто занимался своими делами. Даже когда прикупили театр по соседству, и начался ремонт. Даже когда трубы принялись издавать странные звуки часами напролет — иногда казалось, что стонет какое-то существо. Меня это не заботило. Жизнь сделалась интересной: новые современные залы, новые кабинеты, и, разумеется, новые звуки.

Теперь уборка занимала больше времени, и в последнее время мышцы болели все сильнее. Женушка повторяла, что мы должны уехать на пенсию во Флориду, но я не был к этому готов. Пока нет.

— Позвольте мне в последний раз объяснить вам, тупоголовые придурки. Я не хочу видеть ни одной чертовой царапины на этой штуке, когда мы туда доберемся. Понятно?

— Да, сэр, конечно, сэр.

Совершенно случайно на этой работе я все время подслушивал разговоры, причем не из-за угла или из соседней комнаты, нет. Так выходило, что люди иногда забывали, что я их слышу; они просто разговаривали или спорили, а я был рядом и делал свою работу. Старина Уолли не был против. Люди занимались своим делом, я своим.

Обычно я не раздумывал подолгу над разговорами, но на этот раз все было немного иначе. Я мог поклясться, что слышал, как некий Томас Коннор бурно на что-то сетовал. Его ведь уволили... Хотя,

конечно, я мог ошибаться. Не в первый раз, как всегда подчеркивала женушка.

— Не говори мне: «Да, сэр». Просто сделай, что должен!

И, конечно же, поворачивая за угол, я врезался именно в этого человека, или, точнее, в его грудь.

— Что?.. — попятился Томас бормоча.

— Извините, Томас, — сказал я, небрежно отряхиваясь. Иногда случалось налетать на людей.

— Уолли, ты поздновато сегодня, — ответил Томас, оглядываясь и не смотря мне в глаза.

Я редко с кем встречался взглядом, и меня это устраивало. Не хотел мешать. Моей задачей было все упрощать, а не делать сложнее.

— Не очень. — Не думал, что Томас хочет поболтать, но он не уходил, и я постарался продолжить разговор. Задай вопрос, Уолли, это несложно. — Значит, вы снова в штате?

— Что? — переспросил Томас. Он выглядел так, словно находился где-то не здесь.

— Работа. Вы вернулись? Мистер Дрю снова вас нанял?

— Ну, у него не было выбора, — сказал Томас, все еще раздумывая над чем-то другим. Затем он рассмеялся: — У нас обоих его не было.

Я кивнул, хотя понятия не имел, о чем это он. В конце концов, у всех нас есть выбор. Но людям нравится, когда им кивают. Их это успокаивает.

Затем Томас развернулся и пошагал во тьму коридора. Мне всегда нравилась темнота. Она ощущалась как уютное одеяло, в которое можно укутаться,

хотя я знал, что других она пугала. Никогда этого не понимал. В темноте нет ничего такого, чего нет на свету.

В основном.

— Значит, вы перевозите ту машину? — спросил я, глядя на спину Томаса. Мне вдруг вспомнилась эта машина и захотелось спросить.

Томас остановился. На него падал свет последней лампочки, свисающей с потолка, а позади него все тонуло во мраке. Плечи Томаса поднялись, а кулаки сжались. Я заметил, что он злился. Ага, хорошенько так злился.

— Машина?

— Та большая машина, из-за которой повсюду чернила. — Убираться не трудно, но боже-боже, как же неприятно было каждые полчаса вытирать грязные лужи.

Томас не обернулся, но оставался на месте и молчал. Я подумал, что мне, наверное, тоже следовало молчать. Хотя любопытство не отпускало. Ответ не был мне нужен, да и не особо волновал. Но я знал: так бывает, что кому-то нужно ответить на вопрос больше для себя, чем для того, кто спрашивает. И именно в этом нуждался Томас Коннор.

— Ага, мы перевозим ее, — наконец сказал он.

— Хорошо, — ответил я. — Не знаю, как эта штука работает, но с тех пор, как она появилась, чернила абсолютно везде. Будто ее перетаскивают туда-сюда. Трубы тоже вышли из строя: протечки, шум... я потратил прорву времени на ремонт этих чертовых неполадок. Знаете, я не понимаю, зачем

вообще существует такая машина. Никто так и не удосужился рассказать хоть что-нибудь старому Уолли...

— Да все нормально, мы перевозим ее, так что ты будешь рад, — резко прервал меня Томас.

Для меня это не имело никакого смысла.

— Ну, дело не в моей радости.

— Все уже сделано Уолли, все сделано.

И все же старый Уолли дураком не был. Иногда ясно, что кто-то хочет ответить на вопрос, а иногда — что человек ответил и ничего не добавит. Ему больше нечего было сказать.

— Хорошо. Что ж, отлично, — сказал я и коснулся козырька фуражки. Мне нравилось так делать. Приветствие от Уолли.

Томас продолжал стоять под той же лампочкой. Я видел, как мышцы под его рубашкой напряглись, расслабились и напряглись вновь. Он расслабил кулаки и пошевелил пальцами, как будто проверял, двигаются ли они в принципе.

Да, сэр, этот человек определенно злился.

Определено.

Затем он шагнул вперед и исчез во тьме.

По ночам здесь так и бывало. На свет — на мгновение и обратно во тьму. Я полагал — сэкономили на электричестве. Экономия была сейчас одним из приоритетов «Студии Джоуи Дрю». Мне было велено использовать тряпки до тех пор, пока они не развалятся у меня прямо в руках. Я хорошо выполнял распоряжения, я их ценил. Я видел, как художники лезли в мусорные ведра и выуживали оттуда

листы бумаги, чтобы рисовать на обратной стороне. Я видел, что обеды приносили из дома. Я видел зарплатные квитанции с уменьшающимися суммами и освобождающиеся рабочие столы.

Я все это видел.

Я видел все.

О да, старина Уолли видел все. Включая машину. В том числе и то, что оставляло чернила на полу и что таскало их по стенам и утягивало вниз в залы.

Вы думали, что старина Уолли не видел?

Старина Уолли видел все.

Я вошел с небольшой опрятный кабинет и поднял наполовину полное мусорное ведро. Бросил мусор в мешок и остановился у маленького светильника на столе, затем наклонился и выключил его. Экономия электричества и все такое. Затем вернулся в коридор и продолжил заниматься своими делами.

На свет на мгновение и обратно во тьму.

Никогда особо не понимал, почему люди боятся темноты.

В темноте нет ничего такого, чего нет на свету.

За исключением, конечно, тех случаев, когда есть.

А когда есть, я уйду!

1: БИЛЛ

Я поднял воротник пиджака и крепко обхватил себя руками. Неожиданно сильно похолодало. Этим утром на окнах был иней. Однако разве это могло помешать планам отца? О нет.

— Что насчет девушки? — спросил я со своего края стола в нашей по-обычному мрачной столовой. Даже в лучшие времена отец не слишком жаловал свет, а тут какой-то молодой и неопытный архитектор решил, что окна в этой части дома должны выходить на север. Огромные счета за электричество отца не радовали, и, несмотря на то, что он мог легко их оплатить, осенью ни один искусственный источник света не включали до пяти вечера.

— Какой девушки? — Не отрываясь от газеты, отец вслепую ткнул грейпфрут.

— Девушки, которая будет прыгать в воду на лошади¹. Она замерзнет, — сказал я.

---

¹ Конные прыжки в воду — ярмарочное развлечение, популярное в 1880-х годах в Северной Америке. Лошадь поднимали на высокий трамплин, и она прыгала оттуда в воду вместе с всадником. Высота трамплина могла достигать шестидесяти футов (более 18 метров).

Отец покачал головой и вновь ткнул грейпфрут. Тот отскочил и дал симметричный ответ, забрызгав розовым соком накрахмаленный воротник отцовской рубашки. На этом разговор и закончился, так как виновник конфликта отправился переодеваться.

* * *

Надо признать, отцовское презрение к девушке-ныряльнице теперь казалось в некотором роде правильным. Она стояла там на платформе для прыжков в воду, в белом купальнике и белой же шапочке, и ей было так комфортно, словно шла середина июля. Мне было непонятно, как она не замерзла до костей, и это вызывало уважение. Я повернулся, чтобы взглянуть на публику, расположившуюся на трибунах. Я не догадывался, насколько хорошо было спланировано это представление. Вид сотни проплаченных местных жителей, сидевших на трибунах в откровенно летних нарядах, вынудил меня поднять воротник. Пришлось пожалеть, что не захватил шарф, но я хотя бы не принадлежал к этой легко одетой публике. По крайней мере, не был частью обмана.

Я повернулся и пошел обратно к камере и операторам. Однажды они меня уже прогоняли, но я подумал, что если буду вести себя как обычно, будто случайно появился рядом с ними, то в этот раз мне, возможно, разрешат посмотреть. Они все равно еще ничего не начали снимать и занимались настройкой. Я сказал себе, что не буду задавать никаких вопросов, а только смотреть. Я просто буду...

— Катись отсюда, пацан, — сказал тот, что держал одну из кассет.

— Но я...

— Я сказал: «Катись».

Я развернулся на пятках. Мои щеки запылали от стыда — что ж, хоть какое-то тепло.

Я притворился, что меня крайне заинтересовали платформы для прыжков, словно осмотр камеры был лишь частью масштабной проверки готовности к съемкам. Я оглянулся на девушку, которая как ни в чем не бывало стояла наверху. Она посмотрела на меня, и я почувствовал, что должен что-то сказать, что угодно. Успокоить ее, хотя она и так выглядела спокойной.

— Все отлично! — сказал я, помахав рукой. Она улыбнулась и кивнула. Спортсменка. Заменяла свою сестру в последнюю минуту. Я никогда не встречал Констанс Грей, но Молли была знаменитостью здесь, в Атлантик-Сити, и мой отец очень желал ее заполучить. Однако он сохранил лицо, когда узнал, что она заболела и нырять будет ее сестра.

Отец. Какой же смелый человек. Скупал отели, вкладывал деньги в ночные клубы, в то время пока за океаном бушевала война. «Когда мужчины вернутся, им нужно будет вспомнить, ради чего они воевали!» Ах да, и все это будет разбавлено дорогими напитками и девчонками в блестящих нарядах?

Вот зачем снимался этот фильм. Напомнить каждому — не только мужчинам, которые в прошлом году вернулись с войны, но и женщинам, а также

их детям — вот ради чего были все жертвы. Ради возможности ездить в отпуск на море. Ради того, чтобы играть! Есть, пить, веселиться! Смотреть на то, как девушка верхом на лошади прыгает в воду с высоты шестидесяти футов.

«Фильм для туристов» — так называл его отец. Отсюда и обман. Пик туристического сезона приходился на май-август. Люди приезжали сюда за теплом, а не пробирающим до костей атлантическим ветром середины октября. Так что всем пришлось притвориться, что сейчас лето. Мы уже провели съемку на пляже и набережной на прошлой неделе, когда было еще не так холодно. Но сегодня... что ж, сегодняшнего дня отец ждал больше прочих. Если что и привлекало толпу, так это прыжки в воду на лошадях со Стального пирса. Хотя деньги их тоже, конечно, прельщали.

Я осмотрел платформу. Меня всегда удивлял ее вид. С инженерной точки зрения платформа едва ли была безопасна. Каркас, выполненный из дерева и металла и усиленный стальными тросами, закрепленными на земле. Должен признать, меня обычно больше интересовала техника, чем инженерные конструкции (я все еще мечтал, что кто-нибудь разрешит повозиться с камерой), но платформа меня очаровывала. Как все было сделано, как работало, как складывались воедино кусочки головоломки. Я гулял по набережной, глядя на здания отелей начала века — как же удалось их построить, используя инструменты того времени? Выступающие в воду причалы тоже влекли меня, ведь они про-

тивостояли приливам, отливам и вездесущей соли десятилетиями.

— Это ненормально, — сказал я, проследив глазами за стальным тросом, идущим от вершины платформы к земле. Скрепленная болтами металлическая пластина, которая удерживала трос на месте, казалась приподнятой. Меня охватил страх.

— Это нормально? — спросил я громче, но никто меня не услышал. Все были заняты своими делами. Страх нарастал, паника тоже. Нехорошо. Совсем плохо!

Нет, времени паниковать не было. Нужно было действовать. Я проглотил ком в горле и поискал взглядом отца, но тот находился рядом с режиссером и ничего не замечал, увлеченный очередным горячим спором. Отец любил воображать себя деятелем искусства, который был слишком прагматичен, чтобы всерьез этим искусством заниматься. Я взглянул на редактора «Атлантик-Сити Пресс», стоящего чуть в стороне и понимающего, что все может рухнуть. Отцу не нужна была шумиха в новостях, но меня сейчас заботили вещи поважнее.

Я подошел к худощавому конопатому юноше с рыжими волосами, который прислонился к лестнице, ведущей на верх платформы.

— Привет, эм, как думаешь, это нормально? — спросил я у него.

Он вылупился на меня. Такое со мной часто происходило. Я не чувствовал себя особенным, но реальность была такова: сын Эммета Чемберса являлся знаменитостью. Я ничего такого не совершил.

Всего лишь родился в семье богатого человека, которому принадлежала добрая половина Атлантик-Сити.

— Тот болт, трос, разве это безопасно? — указал я. Слава богу, юноша повернулся и посмотрел.

— Э-э... — сказал он и направился туда. Я пошел за ним. Мы все осмотрели, а затем глянули друг на друга. — Нет, это совсем нехорошо.

Я так и думал. Страх бурлил, но мне удавалось его сдерживать.

— Хорошо, значит, мы должны рассказать кому-то об этом...

— Стив.

— Стив, мы должны что-нибудь сделать.

Стив кивнул.

— В конюшне есть инструменты. Я могу принести.

— Давай, — ответил я.

Стив убежал, а я повернулся и посмотрел на отца. Я не хотел втягивать его в это, но проблема была слишком серьезной — смертоносная платформа, на которой стояла девушка, — он должен был знать, что происходит.

— Отец, у нас проблема, — тихо сказал я.

— Не сейчас, Уильям, — как обычно сквозь зубы ответил он.

— Нет, сейчас, отец.

— Что происходит? — спросил режиссер. Обычно я не особо привлекал к себе внимание и не расстраивался из-за этого. Но люди должны были узнать о неминуемой опасности.

— На одном из тросов ослаблен болт, — сказал я, чувствуя благодарность за то, что хоть кто-то откликнулся. — Юноша по имени Стив отправился за инструментами, но, вероятно, мы должны спустить Констанс.

— Ты отправил мальчишку-конюха с каким-то поручением, хотя мы должны придерживаться расписания? И кто вообще, черт побери, эта Констанс? — спросил отец, закипая, и даже режиссер был озадачен его реакцией.

— Девушка-ныряльщица. Она наверху.

— Ни в коем случае. Если мы спустим девушку, зрители встанут и уйдут. Затяни чертов болт и поживее.

— Но Констанс грозит реальная опасность, — сказал я ему вслед, из-за чего несколько человек, стоящих рядом, посмотрели на меня.

А отец полностью меня проигнорировал. Он указал на молодого человека, стоявшего рядом с редактором газеты.

— Эй, ты! — закричал он.

Молодой человек оглянулся через плечо и указал на себя.

— Да, ты. И перестань тыкать в себя пальцем. Подними девушке лошадь.

Я посмотрел на отца в полном замешательстве. Меньше всего нам сейчас нужна была на платформе тысячефунтовая лошадь.

— Ты понял меня? — сказал отец, а я бросился к тросу.

Я увидел Стива, бежавшего с маленьким ящиком инструментов. Его лицо пылало так же, как

и волосы. Хороший малый, Стив. Хоть кто-то кроме меня понял серьезность ситуации.

— Делай! — отдал последний приказ отец, прежде чем фыркнуть в мою сторону. Теперь-то ему было не все равно. Ну или же он просто хотел выплеснуть на кого-то свой гнев. Разницы не было.

Стив вытащил из ящика огромный гаечный ключ и уставился на него, затем на ослабленный болт, а потом на меня.

— Я сам, — сказал я.

От природы я был довольно сильным человеком. Еще один подарок отца... Иногда я искренне презирал наше сходство. Стив выглядел так, словно его могло унести порывом ветра.

Он протянул мне гаечный ключ, и я услышал, как отец приказал другим мужчинам встать вокруг меня.

— Мы должны скрыть это от публики, — сказал он.

По всей видимости, это его беспокоило больше, чем ослабленный трос и вся платформа целиком.

Сгорбившись у большой металлической пластины, я посмотрел вверх. Платформа опасно дрогнула, я оглянулся и увидел, что нервный товарищ газетчика поднимает лошадь. Это было безумием со стороны моего отца. Если мы не починим трос, рухнет вся платформа. Взглянув вниз, я увидел, что под ослабшей пластиной от пирса откололись щепки.

За работу.

Я попытался затянуть болт и заметил, что руки немного дрожат.

«Дыши», — сказал я себе.

Всего-то нужно — затянуть болт. Но даже моей недюжинной силы было недостаточно.

— Стив, найди несколько человек, идите к дальнему краю платформы и толкайте, — сказал я, коротко посмотрев ему в глаза, прежде чем вернуться к работе.

И вновь Стив отнесся ко мне всерьез. Я был уверен в этом, потому что отец прорычал:

— Ты куда это?

Благо Стив понял весь ужас ситуации и проигнорировал моего грозного отца. Вскоре он и несколько более крепких мужчин встали у противоположной стороны платформы. Я кивнул, глядя на них через огромные деревянные балки, и они толкнули.

Благодаря толчку, я выиграл несколько дюймов. Не футов, не ярдов, а только дюймов — но мне хватило и этого. Металлическая пластина ровно прилегла к пирсу, и я, вывернув шею, затянул болт так сильно, как смог — руки у меня все еще тряслись. Было больно, но я продолжал затягивать.

— О, ради всего святого, сын, ту же уже некуда, — сказал отец, внезапно оказавшись прямо за моим плечом. — Поднимайся, пока какой-нибудь идиот не понял, что происходит.

Я посмотрел на него. С этого угла его лицо выглядело еще более дряблым, чем обычно. Он все еще производил грозное впечатление, но при взгляде снизу походил на настоящее чудовище. Я вернулся к пластине, но он был прав. Весь механизм,

удерживающий платформу, изначально был слабым дешевым способом поднять в небо женщину на лошади. Но, по крайней мере, трос был надежно закреплен.

Я поднялся, и Стив обменялся со мной кивком. Хороший парень, этот Стив.

— Отлично. Вперед, — объявил отец.

Я вернулся к операторам и посмотрел на девушку, которая сидела на лошади. Фальшь. Шоу. Игра на камеру.

И все же девушка на лошади действительно воспарила в небо.

Подумать только.

2: КОНСТАНС

Путь в мрачные глубины был долгим. Своего рода «поэтическая завитушка», как папа называл подобные мои изречения, которые разум не мог не формулировать в самое неподходящее время. В конце концов, я согласилась на это. Разве не я сама предложила? Я хотела помочь. Бедная Молли слишком плохо себя чувствовала, и было несправедливо заставлять ее прыгать. А Лили, ну, в конце концов, Лили боялась лошадей.

И вот я стояла на высоте шестидесяти футов и тянула вниз края шапочки, пытаюсь спастись от жестокого октябрьского ветра.

— Все в порядке? — прокричала я вновь. В первый раз меня никто не услышал. Я немного наклонилась и вытянула шею, чтобы понять, смогу ли увидеть, что происходит в толпе, собравшейся внизу.

Богатенький мальчишка наконец посмотрел наверх. Придерживая шляпу, он махнул мне.

— Все отлично!

Я кивнула, но, если быть честной, я ему не поверила. Что вообще богатенькие мальчишки могли знать об «отлично»? Что для них значило «отлично»? Я подумала, что наши «отлично» слишком разнятся.

Но что мне оставалось делать? Спуститься по лестнице?

Что ж, да, было вполне разумно поступить именно так.

Но я не собиралась этого делать. Я была «командным игроком». Так говорил мой папа. Я не устраивала шума. Только делала то, что требовалось сделать. В нашей квартирке не было места для моего мнения. Не рядом же с восходящей звездой Молли и особым нарциссизмом Лили. Заслуженное место в хоре «Бриллиантового салона» ситуацию не улучшило. Для жалоб Констанс не было места. На самом деле у Констанс не было места для того чтобы по-настоящему существовать.

Не высовывайся, Констанс. Выполни задачу.

Сделай это.

Я перевела взгляд на трибуны. Они были полны, но только потому, что это тщательно организовал отец богатого мальчишки. Мистер Чемберс мог купить аудиторию, а ему, в конце концов, нужна была целая толпа для его маленького фильма. В это время года, когда количество туристов медленно редело, непросто было собрать местных жителей на Стальном пирсе, чтобы те посмотрели очередное шоу с прыжками в воду на конях. Добавьте к этому никому не известную наездницу,

которая заменяет свою великолепную сестру. Что ж, проплаченная публика совсем иная. Это все, что я хочу сказать.

Люди беспокойно вертелись. Я понимала это даже оттуда, где стояла. И им было так же холодно, как и мне. Мистер Чемберс, вероятно, не учел северный ветер. А ведь люди, как и я, были одеты в летнюю одежду. Не в купальники и плавки, разумеется, но в легкие платья и льняные брюки. Я была рада, что они не в купальных костюмах. Лили часто повторяла, что представляет зрителей в нательном белье, когда нервничает, но мне этого было не понять. Вероятно, у нее отсутствовал унаследованный мной от мамы устаревший ген стыда.

— О, дорогая, нет, нет, не думай о них так! — оскорбленно ответила Лили мама, будучи, что уж там, именно оскорбленной ее словами.

Я промолчала, опустив голову. Хотела сказать, что мысль о целой толпе людей разных размеров, комплекций и полов в исподнем заставила бы меня краснеть и нервничать больше, а никак не меньше. Нет, для меня было бы самым лучшим выходом, если удастся просто игнорировать присутствие публики в целом. К счастью, находясь сейчас на платформе для прыжков воду, я и не могла рассмотреть отдельных людей.

Просто раздосадованная толпа.

Бесформенная масса.

Тревожно ожидающая бесформенная масса.

Платформа задрожала, и я ухватилась за металлический поручень. К горлу подкатила тошнота.

Вот почему внизу суета. Неужели платформа вот-вот рухнет? Моя вероятная и неминуемая кончина. «Ты имеешь в виду «падение со смертельным исходом», — услышала я в голове голос отца.

Ну да, пап, именно это я и имела в виду. Но я думаю красивыми словами. Даже когда моя жизнь вот-вот должна оборваться.

Скажу одно: я больше никогда не буду выручать Молли, это точно. И привидением буду преследовать ее до самого конца.

Я посмотрела вниз на лестницу и увидела незнакомого молодого человека, поднимающегося с Трикс. О, понятно. Подошло время. Платформа затряслась, но все было хорошо. Этого и следовало ожидать, а не наоборот.

Трикс выглядела прекрасно. Вычесанная до блеска, с развевающейся на ветру гривой, она будто знала, что являлась звездой. Скорее всего, так и было. Я всегда верила в ум животных, даже Молли это подтверждала. Почему у них не может быть чувств и мыслей, размышляла я. Они ведь знают нас, узнают нас. Это определенно означало, что они могут любить нас, а ведь могут и нет.

Трикс была красивой, доброй лошадкой. Она любила всех вокруг. Она принадлежала Молли, но была невероятно мила, когда я каталась на ней, и, думаю, ей нравилось наше совместное времяпрепровождение.

Нравилась ли ей прыжки в маленький бассейн с водой с высоты шестидесяти футов?

В этом я не была уверена.

Но она не жаловалась.
Только опускала голову.
Совсем как я.

— Привет, — поздоровалась я. Молодой человек подошел достаточно близко, и мне было странным просто стоять и ждать. Хотя Молли, наверное, так и поступала. Она была звездой, и к ней поднимали лошадь. Вне этого мирка никого не существовало. Но как можно было игнорировать другого человека? Прямо вот так.

— Привет, — сказал он, улыбнувшись, и я поняла, что он моего возраста — лет семнадцать или восемнадцать. Он выглядел уставшим, какое удачное слово, не правда ли? «Утратившим вкус к жизни» тоже подходило. Как будто он нес невидимый груз.

— Спасибо. Полагаю, Стив не появится? — спросила я. Я определенно выглядела неловко, потому что ужасно вела светские беседы.

— Не знаю, им нужен кто-то в помощь, — он взглянул на помост и сделал шаг назад.

— Это про меня, — тут же сказала я.
Он нахмурился.

— Что «это»?

— О, ну, когда кому-то нужна помощь, я тут как тут. Я хотела сказать, что ценю твою помощь. Вот и все. Понимаю, почему ты вызвался.

Почему я продолжала лепетать, хотя понимала по его позе, что он хочет сойти с платформы.

— Понятно, — ответил он и вновь глянул вниз. Я проследила за его взглядом. Маленькая толпа, включающая богатого мальчишку и его отца, окру-

жила платформу. — Слушай, мне нужно вниз. Тебе нужна помощь?

— Ха, да, вернись и помоги, — сказала я. Ах, это было глупо.

— Так нужна?

— Ох, да. Да, нужна, — мне определенно нужна была помощь. Мне нужна была любая возможная помощь. Без сомнений. Произносимые сами собой слова помогли забыть постыдную мысль про толпу в нательном белье. Ох, почему в голове все выглядело намного лучше?

Мой разум словно поймал меня в ловушку. Иногда это так и было. Все чувства и разочарования, кипящие внутри и не имеющие возможности выплеснуться.

— Так... что мне сделать? — он уже устал от меня, я слишком долго собиралась с мыслями. Я не была профессионалом.

— Ох, просто крепко держи ее, пока я поднимаюсь в седло. Она хорошая маленькая леди, очень доброжелательная, — это, по крайней мере, звучало достойно.

Молодой человек кивнул.

— Нужна помощь? — крикнул отец богатого мальчишки, на самом деле ничуть не беспокоясь. Его слова означали другое. Скорее были указанием: пошевеливайся.

— Наверное, мы продолжим, — сказала я.

— Наверное.

Теперь молодой человек взялся за уздечку Трикс с большей уверенностью и выпрямился. Я кивну-

ла и быстро забралась на лошадь. Это было похоже на езду без седла, но нельзя было использовать не только седло, но и поводья со стремянами. Мы должны были легко отпрянуть друг от друга в воде. Был только зафиксированный на холке Трипс упор, закрепленный на ее груди. Он не позволял мне соскользнуть при прыжке вперед.

— Готово? — спросил молодой человек, когда я немного изменила положение.

— О да! — сказала я, глядя на него сверху вниз. — Да, большое спасибо.

— Тогда я пойду? — он казался неуверенным. Разумеется, он был растерян — он ведь никогда подобного не проделывал, заключила я.

— Да, пожалуйста, — я попыталась настроиться на прыжок и ужасно нервничала. Кажется, мой ответ прозвучал слишком резко.

О черт. Наверное, да.

— Кстати, меня зовут Констанс, — сказала я, обернувшись, когда он начал спускаться.

Он снова посмотрел на меня.

— Я знаю.

Он отвернулся, и я вновь почувствовала себя идиоткой, хотя, честно говоря, не понимала, почему на этот раз. Я повернулась и наклонилась, чтобы погладить Трикс по шее.

— Ну, я же идиотка, не так ли, милая? — прошептала я ей на ухо. Она коротко фыркнула, и я тихо рассмеялась. — Ты не должна была соглашаться.

— Когда ты уже будешь готова! — это опять был отец богатого мальчишки. Мне была неприятна эта

мысль, но к тому моменту я уверилась в том, что он мне очень не нравится. — У нас расписание.

Когда я буду готова... однако все ощущалось совсем иначе. Они были готовы. Пришло время.

О боже, была ли я напугана?

Нет, полагаю, я нервничала, но не боялась.

«Бояться и нервничать не одно и то же, — настаивала Лили. — Страх сдерживает тебя, а переживания толкают вперед».

— Давай, Трикс. Давай сделаем это, а потом вернемся домой.

Она фыркнула еще раз, и я медленно направила ее вперед по платформе, чтобы копыта оказались прямо перед трамплином для прыжка. Хотя кусок дерева, подвешенный под углом девяносто градусов и обращенный к воде, не был в полной мере трамплином.

Припав к шее Трикс, я почувствовала щекой ее гриву, грубоватую, но теплую и знакомо пахнущую сеном. Я стиснула руки и ноги и прижалась к ней как можно ближе.

— Хорошо, Трикс. Пора. Давай летаем.

Я резко сжала ее бока, она вышла на трамплин, и мы оказались в небе. Я не ожидала подобной скорости; мимо нас пронесся, словно живой, холодный ветер.

Прошло всего несколько секунд, и вода поднялась вокруг, приветствуя нас. Я закрыла глаза.

Не высовывайся, Констанс. Выполни задачу.

Сделай это.

3: БРАНТ

Давайте поговорим о том, как рассказывают истории.

Давайте поговорим о перипетиях сюжета, о точках зрения персонажей и о том, что вы хотите сказать. Что вы действительно хотите сказать. Давайте поговорим о формировании общественного мнения и способах вести читателя в определенном направлении. Давайте поговорим о том, что, даже когда история основана на фактах и говорит полную правду, в ней все же есть предвзятость. Поговорим о журналистике и честности.

Давайте поговорим о том, как легко можно отморозить себе задницу в середине октября, пока богачи притворяются, что на дворе лето.

Поговорим о лошадях в небе.

И о девушке в купальнике.

И о толпе проплаченных зрителей, аплодирующих по сигналу.

Поговорим о всех тех, кто стоит прямо здесь, в центре событий и все же остаются полностью и совершенно невидимыми.

О да, о них нам стоит поговорить прежде всего. Сколько журналистов пытаются притвориться, что их нет, выступают в роли сторонних наблюдателей, фиксируют историю для статьи, «объективную» историю, словно их личные истории не влияют на слова, которые они пишут? Давайте поговорим о том, что никто из них не знает, что значит по-настоящему быть невидимым. Быть на другой стороне, как говорится. Не происходить из семьи писателей. Расти, не будучи уверенным, что поступишь в колледж. Даже не окончить старшие классы.

Просто... жажда писать.

Вот вы получаете место в почтовом отделе газеты. Становитесь смышленным мальчиком на побегушках. Вас все еще не видно. Однако вы видите все.

Пока они не заметят вас сами.

— Эй, ты!

Кто? Я? Меня выдернули из собственных мыслей. Пожалуй, неплохо — на мой вкус, они были слишком уж полны жалости к себе.

Я указал на себя, осознавая, что я это я и что обращались ко мне, но все еще находясь в крайнем удивлении от того, что огромный мужчина в огромной зимней куртке с огромным меховым воротником мог меня заметить.

— Да, ты. И перестань тыкать в себя пальцем. Подними девушке лошадь.

На мгновение я уставился на него. Если можно так сказать. На самом деле я смотрел в его направлении. Пытался осознать приказ. Я понимал, что он никак не мог знать, что я здесь не поэтому, но, ради всего святого, что могло его заставить помыслить, что я мог хоть как-то ездить верхом.

— Ты понял меня? — он заговорил медленнее, словно я был иностранцем или ребенком. Некоторые взрослые говорят так с детьми, словно те глупы и не могут сложить два и два.

Я кивнул.

— Так вперед!

Что ж, то, что я его понял, вовсе не означало, что я обязан был подчиниться. Я повернулся к мистеру Кларку.

— Выполняй, Брант. Знаю, знаю. Давай уже просто покончим с этим дрянным деньком.

— Сэр, я не в восторге от лошадей, — ответил я.

Я произнес это нерешительно; я вообще не особо хотел что-либо о себе рассказывать. Мне было довольно стыдно за правду. В конце концов, лошади были частью обычной жизни, особенно здесь в Атлантик-Сити. Запряженные в разукрашенные экипажи они возили по набережной парочки. И все в таком духе.

— Выполняй. Я возмещу.

— Только если я стану автором, — сказал я быстро.

Я знал, когда нужно воспользоваться моментом. Я был в этом хорош. Мой дядя привил мне это, когда я был маленьким: «Говори «да» каждой

возможности. Поверь, все остальные именно так и сделают».

— Брант, ты же знаешь, я не могу этого сделать. — Мистер Кларк грустно покачал головой, и на его лицо легла тень сильной усталости. Я видел его таким довольно часто в последнее время. Он был усталым человеком. Что ж, но я-то не был. Еще нет. Я был молод, едва вошел в возраст — звонкие поздравительные хлопки моих двоюродных братьев и сестер это доказали. Мне исполнилось восемнадцать, и я был готов сказать «да» всем возможностям. Может быть, не всем связанным с лошадьми, но в целом — да. Я был более чем готов.

— Мистер Кларк, я не шучу. Я хочу стать автором.

— Ты еще ребенок, — сказал он больше себе, чем мне.

— Я был ребенком, приносящим вам обед. Это ведь вы увидели во мне потенциал. По-настоящему меня увидели, а не просто смотрели сквозь меня, как все остальные. Я знаю, вы меня разглядели, мистер Кларк.

— Брант...

— А теперь, вот уже два дня как, я по закону совершеннолетний. Более того, вы всегда относились ко мне честно. Я знаю, вы что-то во мне разглядели. Взяли с собой сегодня. Чтобы я мог смотреть, как вы работаете, и учиться. Поэтому я хочу стать автором. Я буду носить вам обед и держать вашу шляпу, но я хочу быть автором.

С минуту он молчал. Я знал, что давлю.

— Где этот мальчишка с лошадыю? — сказал тот огромный мужчина. Похоже, я опять стал невидим. Хотя стоял прямо там... прямо там, где он меня и увидел. Он мог бы посмотреть всего на фут или два вправо, но вместо этого сокрушался по поводу не выполненного мной дела.

— Я дам тебе возможность написать материал, сынок, — сказал мистер Кларк, понизив голос, хотя нас и так никто не слышал. — Я не могу гарантировать, что тебя опубликуют. Ты еще совсем зеленый, ты все еще учишься работать на рынок.

— Я понимаю, мистер Кларк. Но я хочу, чтобы вы дали мне шанс проявить себя. Поблажек не жду.

— Ты хочешь именно публикацию?

Я не мог не усмехнуться, и это было нормально, потому что уголки губ мистера Кларка тоже изогнула легкая улыбка.

Едва уловимая, но я знал куда смотреть.

— Эй, сейчас, хорошее дело. Мы заключаем хорошую сделку.

— Просто заключаем сделку. Хорошо, Брант, Не верю, что соглашаюсь. Но да, давай подберем тебе имя, и ты получишь публикацию.

— Спасибо, сэр. Вы не пожалеете.

— Я уже жалею, — его улыбка стала шире. — А теперь лучше бы тебе поднять лошадь к девушке, потому что я уже отморозил здесь свой зад.

— Кажется, я нашел тему своей первой статьи, — пошутил я.

— Брант!

Я рассмеялся и поднял руки.

— Ладно, ладно, — я повернулся и пошел к подготовительной площадке. На самом деле я не знал, где прячется лошадка, но решил начать хотя бы с этого.

Я нашел ее в маленьком импровизированном укрытии, за которым присматривал сторбленный старик, очень напомнивший мне мистера Дойла из моего района. Я подошел к нему.

— Привет. Мне нужно поднять лошадь к девушке, — сказал я.

Старик посмотрел на меня с глубоким подозрением.

— Поэтому... Что мне делать? Есть ли поводья или веревка, а может, что-нибудь другое? — я взглянул на лошадь, хотя старался этого не делать до последнего момента. Боже, животное выглядело огромным вблизи.

Теперь я по-настоящему испугался. Возможно, лошади боялись меня куда больше. В конце концов, как еще можно объяснить тот факт, что они сбрасывали меня каждый раз, когда я пытался на них прокатиться. Я был бы счастлив жить во времена, когда большинство людей будут водить автомобили.

— Поводья мешают. Просто возьми ее за уздечку. Она довольно послушная. Хорошая маленькая леди, — ответил старик.

Маленькая? Едва ли.

— Так значит я... — я не знал, что сказать. Только уставился на чудовище. Лошадь была красивой,

насыщенного каштанового цвета с белой звездой посередине лба. Однако еще она была... чудовищем.

— Уздечка. Хватайся и веди.

— А... вы не можете это сделать?

Старик усмехнулся.

— Посмотри на меня, сынок. Эти ребята не хотят, чтобы я появлялся на публике. Кроме того, я не в восторге от высоты.

«Ну, а я не в восторге от лошадей», — подумал я, но не произнес вслух.

— Тебе пора. Я не хочу получить взбучку за то, что ты боишься лошадей.

— Я не боюсь! — поспешно ответил я.

— Ее зовут Трикс. Она пойдет за тобой.

— Привет, Трикс, — сказал я, пытаюсь успокоиться. Лошадь, похоже, не признавала моего существования. Не ново. Я протянул руку и осторожно взялся за уздечку. Мои пальцы вскользь коснулись лошади, и я слегка вздрогнул, предвосхищая ее гнев, но она ничего не сделала. Просто не сдвинулась с места.

— Хорошая девочка, — сказал я, чувствуя, как сердце стучит в горле. Боже, как же мне было стыдно. Просто разберись с этим, Брант. Будь взрослым, не реви.

Я не знал, что делать дальше, поэтому просто пошел к платформе. Уверенный, что Трикс пошла за мной, как и сказал старик. Она шагала совсем рядом, а ее огромные копыта зацокали по металлическому помосту, когда мы достигли ступеней платформы.

— Как раз вовремя, — услышал я чьи-то слова, появившись из-за угла. Я даже не посмотрел в ту сторону. Слишком уж был сосредоточен на том, чтобы меня не затоптали насмерть.

Передо мной появилась лестница на платформу для прыжков. Ступеньки были наклонены под небольшим углом, очевидно, для того, чтобы по ним могла подняться лошадь. И они были низкими, из-за чего все приспособление напоминало пандус. Из-за этого девушка, стоящая наверху, казалась дальше, чем была. Почему я делал то, что делал, и почему представлялось, что это никогда не закончится?

Я направил Трикс на первую ступеньку, и она с легкостью на нее встала. Я почувствовал, как она мягко потянула меня, четко поняв, что нужно делать. Трикс хотела наверх. Потому ли, что она увидела свою наездницу, брюнетку в купальнике, продрогшую до костей в такую-то погоду, но казавшуюся такой же безмятежной, как любая загорающая на пляже красавица, или потому что хотела прыгнуть в воду (что было выше моего разума), я не знал. Я ускорил шаг и решил смотреть вперед и вверх, а не на лошадь или на землю, которая отдалялась от нас.

Мы шли, платформа тряслась, как же это было весело. Девушка обернулась и заметила нас. Я отвел взгляд. Не думаю, что ей доставит удовольствие, если парень вроде меня будет пялиться. Но сделал это не из-за нее на самом деле. Просто мне нужно было хотя бы на что-то смотреть, и все же, наверное, я выглядел невежей. Вместо этого взглянул на

ее ноги. Девушка была боса. Да как же она не замерзла?

— Привет! — сказала она внезапно.

Ее приветствие застало меня врасплох. В тот момент я был слишком сосредоточен и не готов к беседе.

— Привет, — ответил я. И улыбнулся, потому что не хотел, чтобы она подумала, будто мне страшно. Стыд съедал меня изнутри. Раз она не была напугана и собиралась, взобравшись на огромную животину, воспарить в небо, что ж... я хотя бы мог притвориться, что все в порядке.

— Спасибо. Полагаю, Стив не появится? — спросила она.

Я понятия не имел, кто такой Стив. Она пыталась поболтать? Прямо тут? На заоблачной высоте?

— Не знаю, — ответил я. — Им нужен кто-то в помощь.

Я почувствовал, как сделал шаг назад, хотя Трикс повернула голову, чтобы потащить меня вперед.

— Это про меня, — сказала она.

— Что «это»? — теперь я совершенно запутался.

— О, ну, когда кому-то нужна помощь, я тут как тут. Я хотела сказать, что ценю твою помощь. Вот и все. Понимаю, почему ты вызвался.

Почему она продолжала болтать? Я всего лишь хотел, чтобы она забрала скорее уздечку. Я не вызвался выполнять эту работу, леди.

— Понятно, — сказал я. И взглянул вниз на небольшую толпу, собравшуюся у основания платфор-

мы. Неужели что-то было на самом деле сломано, и вся конструкция могла рухнуть? — Слушай, мне нужно вниз. Тебе нужна помощь?

— Ха, да, вернись и помоги, — сказала она.

Теперь она словно говорила загадками. Все артисты были такими, да?

— Так нужна?

— Ох, да. Да, нужна.

Прекрасно. Вообще-то я надеялся, что она скажет «нет». Но я уже предложил. Потому что так поступают джентльмены. Правильно, дядя?

— Так... что мне сделать? — на мгновение меня обуял страх, что она попросит посадить ее на лошадь. Придерживать полуголую девушку... я не был к этому готов.

— Ох, просто крепко придержи ее, пока я поднимаюсь в седло. Она хорошая маленькая леди, очень доброжелательная.

Ага, старик сказал то же самое. Не то чтобы он оказался неправ. Но лошади умеют преподносить сюрпризы. Я кивнул.

— Нужна помощь? — прокричал здоровяк. Его голос не звучал по-настоящему обеспокоенно, и не было похоже, что он на самом деле предлагает помощь. Вероятно, потому что так оно и было. Он предлагал нам продолжить наше занятие.

— Наверное, мы продолжим, — сказал я.

Очевидно, она тоже все правильно поняла.

— Наверное.

Я крепко взялся за уздечку, а девушка, словно бросив вызов гравитации, вскочила на круп Трикс.

Со своей стороны, Трикс практически не шелохнулась. Стояла твердо, как скала. Мое присутствие, вероятно, не было необходимо. Я поднял взгляд и увидел, как девушка занимает правильное положение.

— Готова? — спросил я.

— О да! — ответила она, глядя на меня с очаровательной улыбкой. — Да, большое спасибо.

Так... и что теперь?

— Так я пойду?

— Да, пожалуйста, — ответила она. Ее голос был слегка напряжен, возможно, она тоже нервничала. Возможно, из-за того, что я все еще был наверху, ей было тяжелее, чем обычно. Я спешно отпустил уздечку и повернулся, чтобы спуститься. Лестница внезапно показалась мне очень крутой и длинной.

— Кстати, меня зовут Констанс, — обратилась она ко мне.

Я обернулся и взглянул на нее.

— Я знаю.

Вновь повернувшись, я принялся спускаться.

И понял, что сказал, только когда оказался на земле.

Не знал я ее имени. Зачем я так сказал? Почему не представился ей, она ведь этого ожидала.

Моя бестолковая глупая гордость. Я так старался ее скрыть. Так было нужно. Я бы ничего не добился, будучи проходимцем. Иногда эта тайна вылезала наружу, и я ничего не мог с этим поделать. «Я знаю». Я ведь не был глупым невидимым парнишкой, который не отдает отчета в своих дей-

ствиях или понятия не имеет, кем были все эти разряженные люди. Все я осознавал.

И вот опять. Мне стало стыдно за то, как я себя повел. Это преследовало меня повсюду. Даже когда был уверен в себе, чувство стыда было рядом, готовое напомнить о себе. Никогда не мешало заниматься делом в первую очередь. Нет. Иначе это было бы слишком.

Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как девушка взмыла в небо на Трикс и приземлилась с громким плеском в маленький бассейн.

Вот это храбрость.

Или глупость.

Если задуматься, между ними особой разницы не существовало.

Машина

Страх.

Гнев.

Стыд.

Теперь все смешалось. Теперь все стало одним. Чувством, которого нет. Существованием, которого нет. И все же мы были здесь.

И все же мы чувствовали.

Разве не странно — не существовать и все же быть настоящим?

Томас Коннор

Морская болезнь. Потрясающе. Вот почему я ненавижу лодки. Все было довольно просто. Сядешь в лодку, она качается, тебе становится ужасно плохо. Конец истории. У меня всегда находились причины думать то, что думаю. Всему было объяснение.

Я пытался объяснить Элли, почему вернулся на работу. После того как меня уволили. После того, как они украли работу всей моей жизни. Я пытался объяснить ей это. Она не понимала, и меня это выводило из себя. Не было никакой причины, почему Элли не могла этого понять. Это ведь она осталась, несмотря ни на что, она продолжала работать с тем мужчиной, но почему-то, когда я сказал «да», это оказалось чем-то плохим. Да, я возвращаюсь на работу. Да, я почию машину. Да, я вывезу ее из студии, подальше от посторонних глаз и одной слишком уж любопытной писательницы. Да, я возвращаюсь на работу, на которой всем было на меня наплевать. И на то, что я сделал.

Что я сделал?

Что я сделал.

Знаешь, в свои года я уже слишком стар для комиксов, но иногда я смотрел «Супермена». Герои, спасающие мир, делали меня счастливым. Им это так легко удавалось. Грань между черным и белым была четкой. Хотел бы я, чтобы и жизнь была такой же очевидной. Что хорошо, что плохо, что легко и просто.

Я знал, что мы сделали.

Я знал, что мы создали.

Но кроме всего прочего, это было изобретение, коих доселе не существовало. От такого просто так не отказываются. Не тогда, когда находишься так близко. Вы не отказываетесь от ребенка, потому что он разбил очки. Потому что он кричит и бьет вас по лицу, неспециально, просто так вышло.

Ребенку нужна помощь, чтобы вырасти. Никто не отказывается от своего ребенка.

Это не просто машина, это чудо.

Никто не отказывается от чуда.

Даже если оно вас пугает.

Даже если оно вас убивает.

4: КОНСТАНС

«Спасибо, спасибо, спасибо!»

Молли стиснула меня в объятьях, а я улыбнулась. Я правда не надеялась, что она кинется меня обнимать, но я не собиралась отказываться от ее благодарности. Я не могла обидеть ее чувства.

— Пожалуйста, — прохрипела я вместо этого.

Улыбаясь, она отступила и взяла меня за руки. Выражение ее лица, преисполненного благодарности, было милым и глупым. Обе мои сестры всегда вели себя так, будто постоянно выступали перед публикой. Но, по крайней мере, Молли обладала хоть какой-то толикой искренности.

— Клянусь, тебе больше никогда не придется этого делать, — сказала она.

Она чихнула в носовой платок, отпустив мою руку, но дернула меня за другую, чтобы я пошла за ней. Я позволила увести себя в сторону их с Лили спальни. Изначально я делила комнату с Лили, но она так расстраивалась из-за моих «глупых научных экспериментов», как она их называла, что Молли

любезно предложила поменяться со мной комнатами. О, только Молли способна быть такой душкой. О, знаю, большинство людей думали, что я такая же, но на самом деле это не так. Я всегда была чем-нибудь недовольна или на взводе. А Молли всегда руководствовалась добротой душевной.

— Все в порядке, — ответила я. — Давненько не ныряла. Трикс была мила.

— Разве она не прелесть? — спросила Молли, распахивая дверь в их комнату. — Та-дам!

Среди сухоцветов, которые украшали комнату, я не сразу разглядела то, что нужно. Как обычно на кровати Лили была разбросана одежда; беспорядок всегда притягивал мой взгляд. Поэтому я сначала не заметила синюю коробку как для шляпок на кровати Молли.

Пока не уткнулась в нее взглядом.

— Молли... ты не сделала этого, — сказала я, выпуская ее руку и медленно подходя к ее кровати.

— Сделала! — у нее явно голова шла кругом, и она захлопала в ладоши, как ребенок. А потом замерла. И громко чихнула.

Я добралась до коробки и прочла слова, которые и так знала, они были напечатаны на ней вместе с фотографией жуткого мальчишки, держащего пробирку: «Химический набор Гилберта».

— Ты купила мне профессиональный химический набор? — с трепетом спросила я, боясь открыть коробку.

— Да! Знаю, ты не хотела прыгать, и знаю, что ты ненавидишь быть в центре внимания, ты ведь

такая стеснительная, и еще я знала, что ты хочешь этот набор. В смысле, разве я могла иначе! Стоило нам пройти мимо магазина старого Дока, твой взгляд сразу же на него устремлялся, — она все рассказывала мне про мою же жизнь, словно это было для меня новостью. Я вернула коробку на кровать и осторожно открыла.

Внутри было несколько дюжин маленьких бутылочек с ярко-оранжевыми этикетками, на которых было написано название содержимого. Еще там были пробирки со странными порошками, весы, магнит и руководство по экспериментам. Я почувствовала, как нахлынули слезы, и повернулась к Молли, которая все еще развлекала меня болтовней, потом схватила ее и крепко обняла.

Это заставило ее замолчать.

— Ой, — сказала она испуганно и обняла меня в ответ.

— Это лучший подарок, который мне кто-либо когда-либо делал, — сказала я мягко. — Спасибо, Молли.

Мы отодвинулись друг от друга, и думаю, она заметила в моих глазах слезы, потому что ступшевалась и немного покраснела.

— Ну, как я и сказала, я знаю, что для тебя было непросто сделать то, что ты сегодня сделала.

— Он ведь очень дорогой, — это все, что я могла ответить.

— Даже не думай об этом, — сказала она.

Я внимательно на нее посмотрела.

— Молли, откуда у тебя деньги?